

ЭРИКУ

ПРОЛОГ

Когтишкин зевнул и в первый раз за месяцы открыл глаза. Что же разбудило его?

Капель.

Снег таял, и вода просачивалась в берлогу.

Весна!

Он подскочил в воздух и приземлился прямо на мамину морду. Она буркнула, смахнула его в сторону и прикрыла глаза большущей белой лапой, безмолвно говоря: «Рано ещё. Засыпай обратно».

Когтишкин прикусил её ухо и потянул. «Я знаю, как звучит весна! Пошли наружу!»

— Нет уж, нет, — проворчала его мать Когтина. — Мы ещё хорошенько и долго поспим.

— Спи, если хочешь. Я иду наружу. — Это было его второе весеннее пробуждение, и он знал, что к чему. Он подскочил и принялся загребать лапами снег. Кусочки наста посыпались в берлогу.

— Когтишкин... — предостерегающе протянула Когтина.

Но было слишком поздно. В своде появился круг света, и внутрь пахнуло морозным воздухом. Когтишкин глубоко втянул его носом. Он чуял запах водорослей, нежной молоденькой птицы, солёной арктической рыбы. Он выпрыгнул вон из берлоги.

Когтина застонала. «Я, наверное, единственная мать, которая позволяет своему детёнышу такие выходки!» — подумала она.

— Идём же! — позвал её снаружи Когтишкин.

Когтина знала, что её детёнышу может грозить опасность от самцов белых медведей. Ворча, она поднялась и села, вытянув

так давно не используемые лапы. Готова она или нет, но весна пришла.

— Тут потрясающе, мама! — воскликнул Когтишкин.

Когтина высунула голову из берлоги и потрясла ею, сгоняя сон. Она увидела широкий простор ледовой целины, сделавшейся толще, ровнее и чище с тех пор, как они залегли в спячку в начале зимы.

Но где же её медвежонок? Она позвала Когтишкина и встревоженно втянула воздух.

Что-то со свистом летело к ней. Она дёрнулась и повернулась, чтобы как раз получить в нос снежком.

— Счастливой весны, мама! — крикнул Когтишкин, выскакивая из-за сугроба. — Твоя очередь! Попробуй попади в меня!

— Не смей кидаться в мать снежками! Никогда, — прорычала она.

Второй снежок ударил её, отскочил от головы и разлетелся в ледяную пыль. Когтишкин вытаращился на мать, азартно приоткрыв пасть и выжидая, что она сделает.

Зарывав, Когтина поднялась на задние лапы.

Когтишкин испуганно сжался. Наверное, он зашёл слишком далеко.

Когтина отвернулась на мгновение, кажется чтобы смирить свой гнев, а затем медленно повернулась к сыну. Только теперь у неё в лапах был большущий снежок. Он был размером как раз с Когтишкина.

Его глаза округлились.

— Мама? Нет. Ты же не бросишь...

— Ещё как брошу. — И она бросила.

Вскоре он был весь, от носа до хвоста, запорошен снегом.

— Ха-ха! — сказал он, бросившись вприпрыжку сквозь снежные заносы. — Отлич-

ный бросок! Но я с тобой за это поквитаюсь!

Засмеявшись, его мать пошла за ним сквозь сугробы, уворачиваясь по возможности от снежков и изредка посылая свой собственный снаряд. Скоро у них заурчит в брюхе, но пока нет вреда в том, чтобы немного повеселиться.

Она набросилась на Когтишкина, рыча. Тот, хохоча, прыгнул в сторону и кувыркком полетел по заснеженному склону. Он превратился в белый меховой ком, с каждым мгновением набирающий скорость.

Внизу была полоса льда, а дальше холодное море. Вода выглядела серой и стылой, но даже если Когтишкин свалится в неё, серьёзная опасность ему не грозит — толстый мех защитит его от мороза. Пускай он пока не научился как следует плавать, догрести несколько футов до берега ему не составит труда.

Сердце занялось в груди Когтины из-за другого. На горизонте совершенно неподвижно стояла тёмная фигура. И Когтишкин летел прямо к ней.

Когтишкин плюхнулся на брюхо на лёд у подножия снежного холма и захихикал:

— Спускайся сюда, мама! Это так здорово!

Она стояла на задних ногах, всматриваясь в фигуру. Она видела их на палубах кораблей, но на своих двоих люди не бывали в этих дальних северных регионах. Эта земля принадлежала одним только животным. Когтина хотела позвать своего медвежонка, но не хотела привлекать внимания незнакомца. Она начала спускаться по склону.

Когтишкин, кажется, не замечал человека. Он усердно бороздил пушистый снег, проделывая в нём туннели и поднимая облака белой снежной пыли.

Фигура не двигалась, не пыталась приблизиться. Это был определённо человек. Высокий человек, как теперь видела Когтина, подойдя поближе. И странное дело — на нём была шапка, сделанная из белого меха. Она никогда ничего подобного не видела.

Шапка была того же цвета, что мех полярного медведя.

По-прежнему ничего не подозревая, Когтишкин кувыркался и играл. Он понёсся к воде, подняв на крыло стаю арктических птиц. Как только они сели, он снова погнался за ними.

Он всё быстрее и быстрее удалялся от Когтины.

Она вприскокку пустилась с холма за своим сыном. Снег осел под ней, и она начала скользить. Всё, что она могла сделать теперь, — пытаться устоять на ногах.

Когда она спустилась до самого низа, арктические птицы слетели на воду. Когтишкин повернулся и посмотрел на неё.

— Ты видела? Я одну почти поймал, мама!

— Вернись сюда! — велела Когтина, спеша по льду. Она заметила, что что-то странное отделяет её от Когтишкина. Чёрная линия. Это была не трещина, а что-то выложенное поверх льда. И эта штука тянулась к приспособлению, стоявшему у ног человека в белой шапке.

— Ты переживаешь, что лёд может разломиться? — крикнул Когтишкин. Он под-

прыгнул в воздух и снова приземлился на лёд, да так, что края окатило морской водой. — Я проверил, как ты меня и учила. Он держит меня!

Когтина повела мордой в сторону, где стоял человек в белой шапке.

— Мы не одни.

— Правда?! — воскликнул Когтишкин и, покачиваясь на задних лапах, огляделся. — Я никого не вижу.

— Это потому, что ты слишком маленький, — рыкнула Когтина, продолжая идти к своему сыну. — Но ты должен поверить...

Человек в белой меховой шапке согнулся над своим приспособлением, и вдалеке что-то щёлкнуло. Тёмная линия, выложенная поверх льда, взревела и загорелась. Воздух взорвался, рассылая вихрь снега и льда вокруг Когтины. Она заслонила глаза и едва выстояла под порывом. Когда же она убрала лапу с морды, то увидела, что взрыв взметнул столько снега и льда в воздух, что ничего не было видно на расстоянии нескольких футов.

Медведица взревела и бросилась к своему детёнышу, не обращая внимания на ледяную взвесь, висевшую в воздухе, коловшую ей нос и язвившую лёгкие.

Лишь когда снежная муть немного рассеялась, Когтина смогла увидеть, что случилось с Когтишкиным. Она встала и застонала.

Взрывом его сбило с ног. Он пытался встать на лапы, глаза у него были круглые от ужаса.

— Мама!

Из-за устроенного человеком взрыва между ними пролегла громадная трещина. Она расширялась прямо у неё на глазах.

Когтишкина уносило в море.

Он лежал посреди своей плавучей льдины, распластавшись лапами и вцепившись в лёд когтями, и отчаянно пытался удержать равновесие на зыби волн.

— Помоги мне! — завопил он.

— Я иду! — крикнула Когтина. Её малыш ещё не пробовал плавать — обучение плаванию было в числе первых дел,